

— Уже поздно, иди-ка лучше домой, отдохни.

Щёки Мо Ли покраснели ещё сильнее. Услышав слова Чжоу Сяндунa, она не встала, а лишь подняла лицо и устремила на него обжигающий взгляд.

Внезапно ей захотелось кое-что попробовать.

Ей захотелось узнать: если она отбросит свою гордость и хотя бы раз проявит перед ним капризность, покажет свою слабость, то разве... нельзя ли этим заслужить каплю его жалости?

— Могу я остаться здесь на ночь? — произнесла Мо Ли, и голос её звучал мягко, словно вода.
— Сейчас уже слишком поздно, а я девушка, боюсь, что на дороге небезопасно.

На её лице появилась виноватая улыбка. Они были знакомы уже три года, и за всё время их общения Мо Ли успела точно уяснить одну вещь: Чжоу Сяндуну нравится, когда она улыбается.

Чжоу Сяндун никак не ожидал, что всегда собранная и властная Мо Ли внезапно выдвинет столь странную просьбу. Он остановился на полпути к выходу, повернулся к ней и на мгновение онемел, не зная, что ответить.

На лице Мо Ли был лёгкий макияж, чёрное платье подчёркивало её изящную и соблазнительную фигуру почти до совершенства, и сейчас она улыбалась так ярко, но её брови и глаза при этом до боли напоминали Цзян Нин. Он уловил скрытый смысл в её словах, но... всё это осталось в прошлом. Между ними никогда ничего не начиналось. Еще три года назад, когда Мо Ли призналась ему в чувствах, он дал четкий ответ: в его сердце уже живет другая, и они не могут быть вместе.

Однако Мо Ли тогда лишь отмахнулась. Она сказала, что ничего страшного — раз не получается стать возлюбленными, они могут остаться друзьями.

Поначалу Мо Ли была дерзкой и самоуверенной.

Она родилась с серебряной ложкой во рту, дома её боготворили как драгоценную жемчужину. С малых лет она сама выбирала людей, а не они её. Поэтому, когда Чжоу Сяндун отверг её, она не только не разозлилась, но напротив, нашла это новым и захватывающим.

Мо Ли до сих пор помнила первую встречу с Чжоу Сяндуном.

Это было на светском приеме в их кругу.

В тот день Чжоу Сяндун был одет в сшитый на заказ костюм, с головы до ног в черное.

Он редко с кем заводил беседу, держась на редкость тихо посреди шумной толпы. Когда кто-то с ним здоровался, он лишь вежливо улыбался. Соболиные брови, сияющие глаза, прямая осанка — даже то, как он держал бокал с виноградным вином, казалось совершенно особенным. В то время Чжоу Сяндун уже был известен в американских финансовых кругах. Мо Ли неоднократно слышала о нём от самых разных людей в самых разных местах — все в один голос называли его самым молодым и перспективным инвестором современности, волком с Уолл-стрит двадцать первого века.

И вот теперь она наконец-то встретила легендарного мужчину вживую. К её радости и удивлению, в реальности он выглядел даже более привлекательно, чем на фотографиях!

Среди переплетения вспышек света на коктейльной вечеринке Мо Ли медленно приближалась к Чжоу Сяндуну. Остановившись рядом с ним, она первой протянула руку и с улыбкой произнесла:

— Здравствуйте, меня зовут Мо Ли. Можем мы познакомиться?

Она намеренно заговорила на путунхуа. И действительно, услышав родную речь, Чжоу Сяндун повернулся, и его взгляд упал на неё.

Мо Ли никогда не забудет тот взгляд Чжоу Сяндунa. Сначала — удивление, затем — радость, и наконец всё это сменилось глубоким спокойствием.

Его глаза были слишком бездонными. Тогда она ещё не понимала, о чём он думает, но отчётливо ощущала, как бешено колотится её сердце в тот самый момент.

Она вовсе не была новичком в делах сердечных, но именно с Чжоу Сяндунom совершила ошибку, которую обычно совершают лишь неопытные новички. Она напрямую открыла ему свои чувства. Вся её прежняя так называемая сдержанность, гордость и уверенность в себе вмиг испарились. Она словно превратилась в юную девушку, которая, встретив человека своего сердца, краснеет, теряет аппетит и день за днем, и днем и ночью страстно желает быть вместе с ним.

Она начала отчаянно добиваться Чжоу Сяндунa и даже не постеснялась попросить отца задействовать личные связи, чтобы её перевели в компанию Чжоу Сяндунa на должность его личного секретаря.

Однако Чжоу Сяндун отверг её. Он был предельно прямолинеен и заявил, что в его сердце уже кто-то есть, что у него есть любимая девушка и что он не сможет дать ей ничего из того, чего она желает.

Но Мо Ли не поверила ему. Она считала, что взгляд человека не может лгать. Если Чжоу Сяндун не любит её, то почему каждый раз, видя её улыбку, его глаза наполняются таким глубоким и трепетным чувством?

Тогда Мо Ли думала, что у неё ещё есть надежда. Стоит ей только захотеть подождать, захотеть приложить усилия, как в один прекрасный день Чжоу Сяндун откроет перед ней своё сердце.

Она прождала три года, пока совсем недавно не поняла, что та женщина, которая прячется в сердце Чжоу Сяндуна — это Цзян Нин.

Женщина с похожими на её собственные чертами лица, но совершенно другим темпераментом — Цзян Нин.

В этот момент ей стали понятны абсолютно все вещи.

Все прежние ощущения в конце концов оказались лишь иллюзией, и от самого начала и до конца она была лишь заменой той женщины. Вспоминая прошлое, Мо Ли почувствовала, как в её сердце поднимаются зависть и безумие, но тут же сообразила, что находится в Линьцзянфу, а Чжоу Сяндун стоит неподалёку и наблюдает за ней. Ей совсем не хотелось, чтобы он видел её с такой мрачной стороны.

Ей пришлось проглотить все свои тайные мысли. На мгновение замолчав, она сменила выражение лица, смирила гордыню и жалобно посмотрела на Чжоу Сяндуна:

— Я переночую здесь, ладно?

Тон Мо Ли звучал почти умоляюще, а взгляд её в этот момент до боли напоминал взгляд Цзян Нин. Чжоу Сяндун молча помолчал, а затем чуть заметно кивнул.

— Тогда я... я пойду посплю в другом месте.

Он протянул Мо Ли ключ-карту от прихожей, затем вернулся к двери, взял с вешалки пальто и собрался уходить.

Мо Ли остолбенела. Увидев, что Чжоу Сяндун действительно уходит, она торопливо подбежала, преградила ему путь и выпалила:

— Эй, стой! Не уходи...

Она выдавила из себя улыбку, пытаясь спасти положение:

— Я же только что пошутила, неужели ты принял всерьёз?

Чжоу Сяндун повернул голову, его взгляд опустился вниз, и он бесстрастно отстранил её руку, державшую его за рукав.

— Ш-шутила? — переспросил Чжоу Сяндун.

Мо Ли с трудом растянула губы в подобие улыбки:

— Угу, конечно шутила, когда ты вообще видел меня такой капризной?

— Т-тогда я... я провожу... провожу тебя.

— Не нужно, сегодня на улице холодно, а ты ведь совсем недавно поправился, лучше тебе не выходить. Я пошла.

С этими словами Мо Ли помахала Чжоу Сяндуну рукой и быстро схватила пальто.

Она не помнила, с каким выражением лица выбежала из квартиры. Как только двери лифта закрылись, её лицо мгновенно окаменело, а в покрасневших глазах вспыхнуло жгучее ожесточение.

Нынешний Чжоу Сяндун не желал находиться с ней даже под одной крышей. И во всём этом была виновата Цзян Нин!

Чем вообще хороша эта тридцатидесятилетняя разведённая баба?

Ни внешностью, ни происхождением, ни положением Цзян Нин не превосходила её!

С какой стати только Цзян Нин заслуживала любви Чжоу Сяндуну?

А она, Мо Ли, тогда кто такая?!

Она не смирилась. Абсолютно не смирилась!

После ухода Мо Ли Чжоу Сяндун молча прижал ладонь к боку в области груди и погрузился в воспоминания.

Там у него была старая травма: стоило пойти дождю, как боль начинала ломить кости, и не оставалось ничего другого, кроме как терпеть. Впрочем, Чжоу Сяндун уже давно приучил себя к этому — точно так же, как с самого детства принуждал себя не обращать внимания на чужие странные взгляды.

На самом деле годы, проведённые Чжоу Сяндуну за границей, были вовсе не такими прекрасными, как воображала Цзян Нин. Он учился по государственной линии, и университет покрывал лишь полную стоимость обучения, а на остальные расходы на жизнь ему приходилось зарабатывать самому.

Ему пришлось совмещать учебу с подработками.

Его иностранный язык был на высоте, но из-за заикания он не мог подрабатывать репетиторством. Поэтому он устроился мыть посуду в ресторан за пределами кампуса, помогал раскладывать товары в супермаркете...

Он брался практически за любую работу, лишь бы выжить в Америке и быть постоянно занятым, заставляя себя забыть Цзян Нин.

Такая жизнь продолжалась три года. Окончив университет, Чжоу Сяндун благодаря выдающимся профессиональным навыкам быстро нашёл работу, а всего через четыре года стал совладельцем той компании.

В деловых кругах его с преувеличением и насмешкой называли Уолл-стритским волком. Он был очень знаменит, из-за чего задевал интересы многих людей. В конце концов те люди сорвались с цепи и, не останавливаясь перед риском, наняли головорезов, чтобы отомстить ему.

У нападавшего был пистолет. Поняв это, Чжоу Сяндун даже не стал сопротивляться. Чернокожий пригрозил ему оружием и заставил идти в безлюдный тихий переулок, где вскоре

жестоко избил его руками и ногами, остановившись лишь тогда, когда он был уже при смерти, после чего столкнулся его в сточную канаву у дороги.

В ту ночь Чжоу Сяндун балансировал на грани жизни и смерти. В самый отчаянный момент в его сознании вдруг всплыла одна картина.

Безлюдное зернохранилище, девушка с конским хвостом на голове оборачивается на него, останавливается, и её глаза, изогнутые полумесяцами, оказываются прямо перед ним.

Маленький братик, почему ты всё время ходишь за мной?

Его голос девушки звучал звонко и призрачно, словно доносившееся с небес буддийское песнопение. Захлебывающийся в воде Чжоу Сяндун внезапно откашлялся.

Она снова спасла его — но уже совсем другим способом.

Той ночью Чжоу Сяндун, благодаря невероятной силе воли, волоча по земле израненное тело, выбрался из канавы и дотянул до перекрёстка, где было проще попросить о помощи. К счастью, прохожие быстро заметили его и вовремя доставили в больницу. По словам лечившего его врача, второе ребро с левой стороны груди было сломано, а обломок кости проткнул плоть и вонзился в печень — опоздай он ещё на полчаса, последствия были бы невыносимыми. Чжоу Сяндун пролежал в больнице ровно три месяца, прежде чем смог встать на ноги и ходить. Все эти три месяца Мо Ли часто навещала его. Именно тогда Чжоу Сяндун впервые почувствовал себя обязанным Мо Ли и наконец перестал относиться к ней с прежней холодностью. Однако в вопросах романтических отношений его позиция оставалась неизменно четкой: какими бы бурными ни были попытки Мо Ли завоевать его, ответ всегда состоял всего из двух слов: «Прости».

Никто больше не мог проникнуть в его сердце. Никто, кроме Цзян Нин.

Цзян Нин, которая находилась от него на расстоянии целого Тихого океана, в часовом поясе с разницей ровно в тринадцать часов, но была ближе всех к его душе.

После выписки Чжоу Сяндун потратил больше полугода на реабилитацию и разгребание оставшихся от работы дел. Он не желал ждать ни секунды больше: едва минуло десять лет, он тут же, не теряя ни мгновения, вернулся на родину.

Он хотел увидеть Цзян Нин немедленно. Пока еще не поздно, он хотел сказать ей: он все еще любит ее, и с годами ничего не изменилось.

К счастью, небеса позволили ему благополучно отыскать ее.

Сейчас оба они были свободны, и он стал именно тем человеком, которого она всегда ценила.

Теперь ничто не могло преградить ему путь. Стоило ему лишь немного постараться, сделать шаг навстречу — и он обретет Цзян Нин, совершенно естественно будет с ней и построит прекрасный дом.

Взгляд Чжоу Сяндуну смягчился. Оглядывая просторную квартиру, он вдруг страстно захотел позвонить Цзян Нин, услышать ее голос.

Но в то же время он боялся побеспокоить ее. Его подушечки пальцев снова и снова скользили по номеру телефона, не решаясь нажать на вызов, пока в момент, когда он уже собирался закрыть приложение, большой палец случайно не задел кнопку набора.

Часы на экране показывали ровно 23:30.

23:30, время, когда я думаю о тебе.

В тот же миг Чжоу Сяндун внезапно вспомнил слова о любви, которые когда-то говорила ему Цзян Нин. Горячая волна хлынула прямо в сердце, окрасив алым даже шею.

Затаив дыхание, он стал ждать ответа.

В эту ночь Цзян Нин и так не собиралась спать из-за тяжелых мыслей на душе, а увидев на экране входящий вызов от Чжоу Сяндуну, и вовсе мгновенно протрезвела.

Она нажала кнопку ответа почти сразу же. Осознав это движение, она замерла ровно на пять секунд, после чего произнесла в трубку:

— Чжоу Сяндун?

— Мм, — тихо отозвался Чжоу Сяндун, и его низкий бархатный голос прозвучал невероятно приятно.

Строго говоря, он и сам не знал, о чем говорить с Цзян Нин, но боялся, что она сбросит вызов. Поэтому ему оставалось лишь отвечать на все неизменным образом, выдавливая из горла глухое «мм», что выглядело поистине нелепо.

— Что-то случилось? — первой спросила она.

Чжоу Сяндун сглотнул слюну, судорожно сжав телефон крепче, и выпалил:

— Н-ничего, я... я просто...

Просто хотел услышать твой голос.

Чжоу Сяндун не смел произнести это вслух, считая подобные слова чересчур сентиментальными и навязчивыми — он боялся, что Цзян Нин это не понравится.

Но Цзян Нин не догадывалась, о чем он думает. Подождав немного и убедившись, что он больше ничего не добавляет, она переспросила:

— Просто что?

На висках Чжоу Сяндуну выступил пот. Загнанный в угол, он стиснул зубы и выдавил:

— П-просто... х-хотел... сп-спросить... ты у-уже... уснула?

Он совершенно не умел лгать — даже самые безобидные выдумки давались ему с трудом. Стоило ему солгать, как заикание тут же усиливалось.

На том конце провода Цзян Нин больше ничего не отвечала. Чжоу Сяндун никогда не мог угадать, что творится у нее в голове, тем более он не видел ее нынешнего выражения лица. Ощущая нарастающее напряжение, он тоже умолк: хотя они оба понятия не имели, о чем говорить, прерывать разговор не хотелось никому.

У Цзян Нин же на душе царил совершенно иной шторм. Вообще-то, вернувшись домой, она уже успокоилась. Слова, которые она сказала сегодня, и ее поступки были слишком легкомысленными; ей казалось, будто она подстрекает несовершеннолетнего к противоправным действиям — пусть даже Чжоу Сяндуну исполнилось уже двадцать шесть лет. Но обжегшись на молоке, дуют на воду, и при виде него она все равно испытывала жгучее чувство вины.

Настроение ее было крайне сложным. Она все еще терзалась раскаянием и сожалениями по поводу собственного недавнего поведения, как вдруг зазвонил телефон — и она тут же приняла вызов...

Цзян Нин с мученическим стоном зажмурилась.

— Я не спала, но уже немного клонит ко сну, — совладав с собой, солгала Цзян Нин, падая на кровать и зажмурившись.

В трубке послышался тихий вздох Чжоу Сяндуну:

— А-а...

Окончание вышло каким-то протяжным, словно ему было мало.

Цзян Нин была не в том настроении, чтобы гадать, чего именно ему мало. Она вовсе не собиралась совершать новые ошибки, и пока до конца не разберется во всем, считала лучшим вариантом вообще не встречаться.

Это касалось и звонков: если можно не созваниваться, лучше не созваниваться — она боялась потерять над собой контроль.

Поэтому она поспешно произвела:

— Уже поздно, давай, пожалуй, закончим?

Услышав это, Чжоу Сяндун испугался и торопливо бросил:

— Т-тогда я... я завтра... загляну к тебе.

Цзян Нин обняла одеяло и уткнулась в него лицом, глухо пробормотав:

— Завтра у меня дела на фирме, придется задержаться сверхурочно, наверняка не будет времени...

Чжоу Сяндун:

— ...

Этот диалог казался жутко знакомым. Чжоу Сяндун отчетливо чувствовал: Цзян Нин намеренно избегает его. Он никак не мог понять почему. Всего пару часов назад они были так близки, почему же теперь всё изменилось?

Устало опустившись на край кровати и помолчав несколько секунд, он в конце концов решил уступить и покорно произнес:

— Ладно, тогда я... эм... приду... в другой раз.

Цзян Нин ответила:

— Угу.

Чжоу Сяндун выдавил:

— Спок... спокойной ночи.

— Ту-ту-ту...

В динамике раздались короткие гудки — Цзян Нин сбросила вызов. Чжоу Сяндун неподвижно сидел на постели, снова погрузившись в оцепенение перед стоявшей на тумбочке фотографией.

Он никогда не мог до конца разгадать мысли Цзян Нин: так было десять лет назад, так оставалось и теперь. Это приводило его в отчаяние, но чем сильнее было разочарование, тем труднее оказалось отступить.

Хотелось завладеть ею полностью, разорвать на части.

Хотелось пройти по каждому уголку ее души, оставив на каждом дюйме ее тела свой собственный, нестираемый до конца дней след.

Положив трубку после разговора с Чжоу Сяндоном, Цзян Нин окончательно потеряла сон. Некоторое время она бессмысленно смотрела на журнал вызовов на экране, а затем

машинально открыла приложение и включила ту самую легкую музыку, что звучала в машине Чжоу Сяндун.

23:30.

Гитарное соло, с великолепно проработанными низами и плавными переходами, развивалось неторопливо и последовательно, словно рассказывая какую-то историю.

У нее было очень необычное название.

23:30. Время, когда я думаю о тебе.

Цзян Нин все еще помнила те слова, которые тогда в машине сорвались с ее губ словно против ее воли.

От этого некуда было деться: нынешний Чжоу Сяндун уже пробудил в ней страсть. Она отдавалась чувствам сильнее, чем когда-либо прежде, но при этом продолжала колебаться, не осмеливаясь сделать последний шаг.

Почему всё так?

Цзян Нин не находила ответа. Она ставила песню на повтор снова и снова, пока в телефоне не сел аккумулятор, и лишь тогда погрузилась в сон.

Ей снился Чжоу Сяндун.

Во сне она наконец разжала губы Чжоу Сяндун и коснулась той самой «главной виновницы», что пряталась у него во рту.

Цзян Нин целовала его с такой страстью, что ее язык, дрожа, проскользнул между губ Чжоу Сяндун, мягко сплетаясь с его языком. Они прижимались друг к другу все ближе, целовались все глубже, готовые раствориться друг в друге без остатка.

Этот сон казался настолько реальным, что после пробуждения взгляд Цзян Нин все еще оставался затуманенным. Прележав в постели долгие-долгие минуты, пока не угасла последняя волна жара, она поднялась, быстро привела себя в порядок, подхватила рюкзак и вышла из дома.

Она твердо решила разобраться во всем до конца, а потому собралась навестить человека, который знал ее лучше всех, — свою лучшую подругу Вэнь Тин.

Вэнь Тин была одноклассницей Цзян Нин, обладала богатым опытом в сердечных делах и смотрела на отношения между мужчиной и женщиной с поразительной проницательностью. Цзян Нин подумала, что та сможет развеять ее сомнения, купила билет на высокоскоростной поезд до города, где жила Вэнь Тин, и отправилась напрямик туда.

Они встретились только в два часа дня. Вэнь Тин заключила Цзян Нин в крепкие объятия и, не теряя времени даром, сразу отвела ее в уютное кафе, где можно было спокойно поболтать.

После коротких приветствий они быстро перешли к сути. Цзян Нин в общих чертах описала всё, что произошло за последние дни. Лицо Вэнь Тин вдруг просветлело, и она недоверчиво переспросила:

— Чжоу Сяндун? Тот самый симпатичный заика Чжоу Сяндун?!

Хотя на душе у Цзян Нин царил полный кавардак, она поддержала удивленный тон подруги:

— Ну да! И что с того, что заика?

— О боже мой! — Вэнь Тин преувеличенно драматично прижала руки к груди. Узнав, что Чжоу Сяндун только что вернулся после учебы из Америки, она переключилась на американский акцент: — Прекрасная мисс Цзян, умоляю, скажите честно: этот вернувшийся на родину мужчина, который все еще любит вас, как он сейчас выглядит? Всё так же хорош собой?

На этот раз Цзян Нин не выдержала и улыбнулась. Уголки ее губ приподнялись:

— Да, моя не менее прекрасная мисс Вэнь Тин. Теперь он не только красив и статен, но еще и чертовски богат — идеал, за которым гоняются тысячи одиноких женщин.

Вэнь Тин тут же надела с расспросами:

— Нельзя ли поподробнее?

Цзян Нин не собиралась сдаваться:

— Стройная фигура, широкие плечи, на глаз выше метр восемьдесят пять, а вес... эм, ну, около семидесяти?

Вэнь Тин продолжила заманивать ее в ловушку:

— А еще конкретнее?

Цзян Нин выпалила первое, что пришло в голову:

— Длина восемнадцать...

Только произнесла это, Цзян Нин сообразила, что ляпнула лишнее, и в последний момент зажала рот рукой. Она с изумлением посмотрела на Вэнь Тин, а та лишь загадочно улыбалась. Насмеявшись вдоволь, подруга вдруг посерьезнела и вынесла вердикт:

— Подруга, ты влюбилась.

Цзян Нин опустила голову, чувствуя, как лицо пылает от стыда, и тихонько пояснила:

— Мы вообще-то... кхм, мы еще не дошли до этого.

Вэнь Тин сложила руки на груди и, глядя на нее, задала вопрос с подтекстом:

— До чего это — до этого, подруга?

Цзян Нин ответила запинаясь, с трудом подбирая слова:

— Ну... это самое...

Вэнь Тин подсказала:

— Секс?